

Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (295). С. 121–125.
Izvestia Voronezh State Pedagogical University. 2022. (2), 121–125.

Научная статья
УДК 94 (47)
DOI 10.47438/2309-7078_2022_2_121

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ г. ВОРОНЕЖА И ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДА В ЭПОХУ РЕФОРМ ПЕТРА I

Владимир Николаевич Глазьев¹

*Воронежский государственный университет¹
Воронеж, Россия*

¹ Доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
ORCID ID: 0000-0003-4615-0699, тел.: (473) 221-27-47, e-mail: vng@main.vsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается социальная структура населения г. Воронежа и Воронежского уезда как типичной административной единицы Центрального Черноземья в конце XVII – первой четверти XVIII вв. Выявлены особенности состава населения, определена численность основных сословных групп, прослежена эволюция социальной структуры населения города и уезда на протяжении периода петровских преобразований. Сделан вывод о постепенном складывании сословной группы однодворцев на основе различных категорий служилых людей.

Ключевые слова: Воронежский уезд, конец XVII – первая четверть XVIII вв., Петр I, структура населения, служилые люди, однодворцы.

Для цитирования: Глазьев В.Н. Эволюция социальной структуры населения г. Воронежа и Воронежского уезда в эпоху реформ Петра I // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 2. С. 121–125. DOI 10.47438/2309-7078_2022_2_121

Введение

Преобразования Петра I вызвали значительные изменения социальной структуры общества. В различных регионах на социальные процессы накладывали отпечаток их исторические, сословные, этнические особенности. Ярко выраженной спецификой обладало в XVII–XVIII вв. Центральное Черноземье. Регион интенсивно заселялся и осваивался в условиях острой внешней опасности, угрозы нападений со стороны крымских и ногайских татар, калмыков, а в определенные периоды – отрядов из Речи Посполитой. Типичной административно-территориальной единицей Российского Черноземья являлся Воронежский уезд. На его примере проследим социальные процессы эпохи петровских реформ.

Результаты

Общая численность населения г. Воронежа на рубеже XVII–XVIII вв. составляла около 10 тыс. человек [1, с. 84]. В селах и деревнях Воронежского уезда, как показывают приведенные ниже цифры, проживало от 25 тыс. до 30 тыс. человек. В связи с тем, что в первое столетие своего существования Воронеж в первую очередь выполнял военно-оборонительные функции, существенную долю населения города и уезда составляли *служилые люди*. Во второй половине XVII в. служба подразделялась на *полковую и городовую*. Первая была связана с участием в походах в составе Белгородского полка, в сражениях на полях войн (в начале царствования

Петра I – в русско-турецкой войне 1686–1700 гг.). Воронежцы служили в сотенной службе, в качестве заведовщиков, есаулов, копейщиков, трубачей, солдат. Городовая служба заключалась в поддержании обороны Воронежа и его окрестностей, ее несли станичники, стрельцы, городовые казаки, пушкари и воротники.

Служилые люди от царского имени наделялись землей. Большинство из них имели право на труд крестьян, но фактически они владели немногими крестьянскими дворами. Часть служилых людей обрабатывали землю сами и привлекали к работе своих взрослых родственников. Про таких говорили, что они живут «одним двором», так возник термин «однодворец». В XVII в. это слово использовалось в быту, однодворцы еще не стали сословной группой. На общем фоне выделялась служилая элита. Это воронежские дворянские роды Михневых, Кулешовых, Титовых, Веневитиновых и другие. Видные представители воронежских ратных людей за боевые заслуги повышались в чинах, наделялись более высокими поместными окладами, владели крепостными людьми.

В 1697 г. в г. Воронеже и Воронежском уезде по результатам разбора служилых людей зафиксировано 7803 человека мужского пола. В это число включены люди, состоящие на службе – 2294, взрослые родственники (мужчины старше 15 лет), готовые к службе – 2419 человек, дети от младенцев до 15 лет (недоросли) – 2804 [2, с. 52–56]. Если условно считать число женщин равным мужчинам, то служилое население Воронежского уезда, включая членов семей, составит 15 606 человек.

Небольшую по численности, но влиятельную словную группу составляло *духовенство*. В 1646 г. в селах Воронежского уезда насчитывалось 28 церквей, 3 часовни, монастыри – Борщевский, Карачунский, Спасо-Преображенский Толшевский, Семилуцкий Преображенский. В 1676 г. в городе Воронеже действовало 15 церквей, включая 3 монастырских (Успенский, Алексеево-Акатов, Покровский монастыри г. Воронежа). В церквях служили священники, пономари, дьячки, просвирицы.

В поместьях и вотчинах Воронежского уезда числились *крестьяне и бобыли*. В 1678 г. мужское крестьянское и бобыльское население в уезде составляло 4389 человек. Дворовых и задворных людей в 1678 г. в уезде было зафиксировано 630 человек [3, л. 224–225 об.]. Всего в селах Воронежского уезда отмечено 5019 зависимых людей мужчин, вместе с женщинами крестьянское и бобыльское население условно составляло 10038 человек. В уездах, сформировавшихся в период сооружения Белгородской черты – Коротоякском, Ольшанском, Острогжском, Землянском, в Костенске, Орлове, Урыве учтенные в государственных переписях во второй половине XVII в. крестьяне и бобыли не числились. В названных территориальных единицах основную группу населения составляли служилые люди разных категорий и служб.

Для сравнения, в 1697 г. мужское служилое население Коротоякского уезда, включая членов семьи, составляло 7595 человек. В Ольшанском уезде в 1697 г. числился как минимум 631 служилый человек, не считая станичников. В Острогжском и Острогжском уезде в 1697 г. несли службу из числа русских людей 75 солдат, 96 детей боярских городской службы, 13 стрельцов, 4 пушкаря, 3 воротника. Переселений черкасов в город Острогжск было два – в 1652 г. и в 1680 г., в городе и уезде размещались полковые и городовые черкасы [4, с. 17]. Всего мужское служилое население, включая членов семьи, в Землянском уезде составляло 7 595 человек. В Костенске размещались 177 солдат, 375 драгунов городской службы, 18 пушкарей. В Орлове насчитывалось 116 солдат, 245 драгунов городской службы, 13 пушкарей. В Урыве несли службу 42 солдата, 28 детей боярских городской службы, 2 пушкаря [5, л. 96–101, 102–107, 450–453, 454–462, 322–325, 486–487].

В г. Воронеже проживали *посадские люди*. В 1683 г. здесь насчитывалось 344 двора [6, л. 8], в них могло находиться примерно 2066 человек, включая женщин. Посадские люди занимались торговлей и ремеслами, заметную прибыль приносили поездки с товарами на нижний Дон, к донским казакам, и на Волгу.

Пребывание Петра I в Воронеже, организация кораблестроительных работ отразились на жизни воронежцев. Дворянин А.Л. Веневитинов описывал леса, пригодные для строительства судов. Посадский человек Н. Гарденин сохранял казенное имущество и здания Адмиралтейства, построенного в 1698 г. Во дворе стрельца Сафона Полунина была оставлена коляска кравчего К.А. Нарышкина – родственника Петра. Царь помнил про коляску и имя стрельца, он затребовал ее из Воронежа на нижний Дон. На этой коляске Петр I, видимо, возвращался в Москву из 2-го Азовского похода [7, с. 33, 43, 82].

После начала сооружения флота в Воронежском крае и крестьяне, и служилые люди, и их родственники привлекались к корабельному строительству.

Весьма знаменательным представляется тот факт, что все они в документах именовались *«работными людьми»* [8, с. 81.]. Труд на строительстве кораблей нивелировал сословные различия между категориями служилых людей, приравнивал их к крестьянам и посадским людям.

Начиная с 1649 г. южнорусские служилые люди платили подворный натуральный налог – четвериковый хлеб. В 1690-х гг. форма взимания четверикового хлеба изменилась с натуральной на денежную. В первый раз деньги вместо четверикового хлеба воронежские служилые люди заплатили в 1692–1693 гг. [9, л. 333]. Денежный эквивалент хлебу устанавливало правительство, руководствуясь рыночной ценой. Четверть ржи была оценена в 8 алт. 2 ден. Ставка налога для воронежских служилых людей в том году составляла 3 четверика ржи, следовательно, с каждого двора надо было платить по 3 алт. 2 ден. Начиная с 1693–1694 гг. предписание о сборе денег вместо четверикового хлеба предназначалось уже для всех городов Белгородского полка [10, л. 15].

Окончательное превращение окладных налогов с южнорусских служилых людей из натуральных в денежные было осуществлено 30 октября 1699 г., когда был издан указ о сборе с ратных людей Белгородского полка денег вместо службы. Он гласил, что служилые люди должны были платить по 1 руб. с человека, их дети и свойственники «в возрасте» – по 50 коп. с человека, а в том случае, если служилый человек имел крестьян, за каждого из них – по 25 коп. В качестве документального основания для взимания денег выступали переписные книги 1697 г. и наличные списки 1698–1699 гг.

Названный указ вводил новую единицу обложения для воронежских служилых людей. Ею становилось лицо мужского пола, достигшее 15 лет. Указ от 30 октября 1699 г. в отношении южнорусских мелких служилых людей сформулировал новый принцип, в соответствии с которым допускалась замена службы платежом налогов. Указ о замене службы деньгами не распространялся на ратных людей, занятых на строительстве флота на воронежских верфях, на оставленных в городах для посылок и караулов и на отправляемых в Новобогородицк и Сергиевск [11, с. 655–656]. Появление указа, допускавшего замену службы платежом налога, положило начало сближению воронежских служилых людей с тяглыми слоями населения. Эта тенденция отчетливо проявилась в ходе общероссийской переписи 1710 г., которая наряду с крестьянами и посадскими людьми, охватила служилых людей юга России [12, с. 508–509].

Освобождение от некоторых податей теперь было возможно в том случае, если служилые люди надолго отрывались от своего хозяйства при направлении в дальние посылки. Это подтверждает такой факт. Летом 1713 г. по России производилась перепись лошадей (кроме крестьянских), после чего за каждую лошадь в казну собиралось по гривне. От переписи и платежей освобождались те служилые люди Азовской губернии, которые были взяты в ланд-милицию или направлены в Киев для починки крепости и у кого дома остались только жены и малые дети. Если же дома у такого человека находились взрослые дети, братья, племянники, то у них лошади переписывались и подать с них собиралась [13, л. 692–693].

В 1716–1718 гг. служилые люди Черноземья платили «однодворческий оклад», который взимался по переписным книгам 1710 г. и зависел от состава двора. Кроме названного налога, служилые люди вносили полонные деньги, налог на содержание ландратов и других должностных лиц, на почтовые станы, а также натуральный сбор – провиантскую рожь [14, л. 172 об.]. В годы Северной войны на воронежских служилых людей налагались многочисленные чрезвычайные повинности и налоги [см. например: 15, л. 92–102].

Тот факт, что служба южнорусских ратных людей в начале XVIII в. перестала считаться их основной обязанностью, знаменовал собой близкое завершение их истории как отдельной социальной категории. Ведь именно воинские обязанности выступали в качестве признака, который выделял служилых людей в особый чин в государстве. В то же время полного освобождения южнорусских служилых людей от ратных обязанностей не произошло. Сказывались особенности военно-политической обстановки того исторического периода – продолжавшаяся Северная война, обострение отношений в 1710–1711 гг. с Османской империей и Крымским ханством, возвращение Азова Турцией после неудачного для России Прутского похода.

Одной из оборонительных мер русского правительства стала организация ланд-милицейских полков, призванных защищать южнорусские города и уезды. Она осуществлялась в течение 1713 г. Для службы в ланд-милиции набирались драгуны, солдаты, стрельцы, казаки, пушкари и их родственники в возрасте от 15 до 30 лет [16, л. 244–255; 17, л. 30]. С существованием ланд-милицейских полков были связаны пометки о служебной пригодности, сохранившиеся в ревизских сказках однодворцев [см., например: 18, л. 617 об.–618, 631–633 об.]. Служба в ланд-милиции стала дополнительной повинностью южнорусских служилых людей, которые к тому времени платили в пользу государства прямые налоги. Другими дополнительными обязанностями служилых людей являлись посылки и караулы, работа на Сокольских, Липских и Кузьминских железных заводах, починка городских укреплений [19, л. 92–94, 95–97].

В годы Северной войны из числа мелких служилых людей производились наборы в гарнизонные солдаты и рекрутские наборы. Рекрутский набор среди мелких служилых людей Черноземья производился в 1713 г. В дальнейшем однодворцы освобождались от рекрутских наборов.

Неудивительно, что в первой четверти XVIII в. отмечено такое явление, как запустение служб. Его причины названы в справке, направленной в Сенат из Воронежской губернии в 1728 г. В ней отмечалось, что служилые люди «прежних служб» «померли, бежали, взяты в солдаты, в матросы и в Санкт-Петербургские работники – в плотники, лопатники, и в гребцы, и в другие тому подобные» [20, л. 611 об.].

Введение подушной подати в России стало ключевым этапом истории служилых людей Черноземья. В ходе податной реформы Петра I оформились основные черты однодворцев как категории государственных крестьян. Бывшие рейтары, копейщики, солдаты, драгуны, казаки, стрельцы, пушкари с этого времени утратили прежние наименования и стали называться в официальных документах только *однодворцами*. Подушная подать, которую однодворцы впервые заплатили в 1724 г.,

явилась закономерным развитием тех отношений, которые складывались в конце XVII – первой четверти XVIII вв.

Однодворцы были самой многочисленной категорией населения Воронежского уезда по материалам первой ревизии. Их численность составляла 8140 человек мужского пола. В период от первой до второй ревизии численность сельских однодворцев увеличилась до 9295 человек, что составляло 54 % от общего количества податного населения. До конца XVIII в. некоторые однодворцы владели небольшим количеством крепостных душ.

В то же время элита воронежских землевладельцев пополняла *дворянское* сословие. По второй ревизии в 1744 г. помещиками отмечены потомки служилых людей «по отчеству», размещенных в Воронежском уезде в XVII в. (Михнев, Митрофановы, Шишкины, Стерлегов и др.). При этом встречаются и новые фамилии: Красильников, Тургенев, Коверигин, Шулепов, Домогацкий). Самым крупным владельцем крепостных крестьян в Воронежском уезде в 1744 г. значился Ф.А. Веневитин, владевший свыше 400 душами крестьян. Свыше 300 душ имели три землевладельца, свыше 100 – 5 помещиков. От 50 до 100 душ принадлежало 15 помещикам. От 20 до 50 душами владели 38 помещиков. 79 помещиков имели до 20 душ крестьян. Часть помещиков Воронежского уезда в 1744 г. несли службу в разных чинах. С.И. Лосев отмечен как полковник, П.Б. Лосев – майор драгунского полка, Титов – капитан Елецкого полка, В.М. Титов – сержант, Г.С. Северцов – поручик.

В Воронежском уезде в период первой ревизии были представлены несколько категорий *крестьян*: помещичьи (4033 души), архиерейские (1277), дворцовые (22), монастырские (267), церковные (12), приписные к мануфактурам (34), всего 5645 душ. К 1744 г. численность крестьян увеличилась, в частности, помещичьих крестьян насчитывался 5941 человек, что составляло 34,9 % от податного населения. Увеличение численности помещичьих крестьян происходило за счет перевода их из центральных уездов: Нижегородского, Каширского, Тульского, Крапивенского. Часть купленных крестьян переведены из сел в пределах Воронежского уезда [21, с. 65–79].

В период первой ревизии численность воронежских *посадских людей* составляла 1532 лиц мужского пола, вместе с женщинами 3064 человека. По сравнению с 1683 г. население посада увеличилось. В.М. Проторчина анализировала 520 сказок воронежских посадских людей. Сказки подавали главы семей, названо также 363 сыновей и братьев, что вместе с главами семей составляет 883 ревизских души. Эти сказки подавались в июле 1722 г. в Воронежской провинциальной канцелярии полковнику Новгородского пехотного полка А.А. Мякину. А.А. Мякин в январе 1722 г. был определен ревизором Азовской губернии. Ему предстояло проверить результаты переписи податного населения. Впоследствии, находясь на должности генерал-фискала с 1724 г., А.А. Мякин выявил уклонение от уплаты налогов князем А.Д. Меншиковым. В 1735 г. управлял Воронежской губернией в качестве губернатора [22, с. 63–65]. 460 подавших сказки посадских людей были потомками воронежцев, живших в городе в XVII в., 60 человек – людьми, пришедшими сюда из различных пунктов Воронежской провинции или из центральных губерний: из Ростова, Костромы, Вологды, Арзамаса.

Основная часть из них пришли в Воронеж в период кораблестроения. Многие указывают, что они кормились милостыней, «волочили меж двор», служили в работниках «у всякого чину людей». Некоторые из иногородних сумели попасть в число посадских людей, женившись на посадской вдове или дочери (15 чел.) или обучившись торговому делу от воронежцев, взяв у них деньги в долг. Во время азовских походов и кораблестроения пришедшие занимались харчевным промыслом. Один из подавших сказку был уроженцем Ростова, дворцовым волостным крестьянином, переведенным в Битюцкую волость и через полгода бежавшим оттуда в Воронеж.

В сказках содержатся сведения о наемных людях. Наемная работа того времени была связана с личной зависимостью – до истечения определенного срока «наймиты» не могли уходить от своих хозяев. Наемные работники использовались: 1) в качестве лавочных сидельцев; 2) для «домовой работы»; 3) для работы за городом на наемной земле – хуторах и пчельниках. 22 посадских человека сообщали о своих крепостных дворовых людях. Чаще всего это дети в возрасте 6–8 лет или старики, но есть и целые семьи дворовых людей с детьми. Крепостных дворовых людей, и лавочных сидельцев, и наемных работников имели видные воронежские фабриканты-суконщики Гарденины, Петр Сахаров, Титовы, Севастьяновы. С другой стороны, в ревизских сказках среди посадских людей названы 62 человека, не плативших никаких податей «за скудостью и за неимением торговых промыслов», «за нищетою и убожеством» [23, с. 120, 123–126].

Особая категория воронежцев – «люди разных чинов». Ими в июне 1722 г. было подано 435 сказок. По определению В.М. Проторчиной, это низы городского населения, не имевшие никакого хозяйства, бестяглые, в подавляющем большинстве бездомовные (лишь 15 человек имели свои дворы), жившие по разным людям. Большинство из них кормилось «разной работой» и даже «черной работой», некоторые нанимались гребцами на бударах у посадских людей. Иные сообщали, что работают по найму, «поденно, понедельно и помесечно». Большинство из них потомки служилых людей XVII в.: рейтар, драгунов, солдат, городской службы, казаков, пушкарей [23, с. 121–122].

Заключение

Итак, в конце XVII – в первой четверти XVIII в. в социальной структуре Воронежского края произошли существенные изменения. Основная часть населения – служилые люди – эволюционировали в податную сословную группу однодворцев. При этом потомки представителей местной служилой элиты сохранили дворянский статус, владение десятками крепостных душ. Бурные события, связанные с кораблестроением в Воронежском крае, привели к увеличению численности посадского населения, в состав которого вливались мигранты из других регионов. Посадские люди в своей торговом-ремесленной деятельности ориентировались не только на воронежцев, но и на лиц, прибывших в город и занятых на воронежских верфях.

Конфликт интересов

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Глазьев В.Н. Города на юге России в XVII веке : состав и численность населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология. 2020. № 2.
2. Скобелкин О.В. Служилое население Воронежского уезда в 1697 г. // Из истории Воронежского края : сборник статей. Воронеж, 1998. Вып. 7.
3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1209. Поместный приказ. Д. 12286.
4. Брезгунова В.М. Переселение черкас в Воронежский край и их служба в России в XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2019.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 905. Ч. 1.
6. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Д. 125.
7. Загоровский В.П. Петр Великий на Воронежской земле. Воронеж, 1996.
8. Лавринов Ю.М. Работники воронежских верфей // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородск. ст. Д. 1366.
10. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 1. Д. 209.
11. Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 3.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 10.
13. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 96.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 442.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 60.
16. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 98.
17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 296.
18. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 478.
19. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 60.
20. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 482.
21. Проторчина В.М. Изменения в составе населения Воронежского уезда в период между двумя первыми ревизиями (1724–1744 гг.) // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6.
22. Комолов Н.А. Губернатор Мякинин Алексей Антонович // Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. 1710–1917 : Историко-биографические очерки. Воронеж, 2015.
23. Проторчина В.М. К вопросу о составе населения г. Воронежа в период первой ревизии // Труды Воронежского университета. Т. 87. Из истории Воронежского края. Вып. 3, 1969.

References

1. Glaz'ev, V.N. (2020) Goroda na yuge Rossii v XVII veke : sostav i chislennost' naseleniya [Cities in southern Russia in the 17th century: composition and population]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya.* (2). (in Russian)
2. Skobelkin, O.V. (1998) Sluzhiloie naselenie Voronezhskogo uyezda v 1697 g. [The service population of the Voronezh district in 1697]. In: *From the history of the Voronezh Region.* Voronezh. (7). (in Russian)
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* (dalee – RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1209. Pomestnyi prikaz. D. 12286.
4. Brezgunova, V.M. (2019) *Pereselenie cherkas v Voronezhskii kraj i ikh sluzhba v Rossii v XVII v.* Avto-ref. diss. kand. ist. nauk [Resettlement of Cherkasy to the Voronezh Territory and their service in Russia in the 17th century. Cand. histor. sci. diss. abstr.]. Voronezh. (in Russian)
5. RGADA. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 905. Ch. 1.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* (dalee – GAVO) [The State Archive of the Voronezh region]. F. I-182. Op. 2. D. 125.
7. Zagorovskii, V.P. (1996) *Petr Velikii na Voronezhskoi zemle* [Peter the Great in Voronezh]. Voronezh. (in Russian)
8. Lavrinov, Yu.M. (1981) *Rabotniki voronezhskikh verfei* [Workers of the Voronezh shipyards]. In: *Voronezh Region on the southern borders of Russia (XVII–XVIII centuries).* Voronezh. (in Russian)
9. RGADA. F. 210. Op. 12. Stb. Belgorodsk. st. D. 1366.
10. GAVO. F. I-182. Op. 1. D. 209.
11. *Polnoe sobranie Zakonov Rossiiskoi imperii* (1830) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. SPb. (3).
12. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (1956) [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Moscow. (10).
13. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 96.
14. RGADA. F. 350. Op. 1. D. 442.
15. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 60.
16. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 98.
17. RGADA. F. 350. Op. 1 D. 296.
18. RGADA. F. 350. Op. 2. D. 478.
19. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 60.
20. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 482.
21. Protorchina, V.M. (1977) *Izmeneniya v sostave naseleniya Voronezhskogo uyezda v period mezhdum dvumya pervymi reviziyami (1724–1744 gg.)* [Changes in the composition of the population of the Voronezh district between the first two revisions (1724–1744)]. In: *From the history of the Voronezh Region.* Voronezh. (6). (in Russian)
22. Komolov, N.A. (2015) *Gubernator Myakinin Aleksei Antonovich* [Governor Myakinin Alexey Antonovich]. In: *Voronezh governors and vice-governors. 1710–1917: Historical and biographical essays.* Voronezh. (in Russian)
23. Protorchina, V.M. (1969) *K voprosu o sostave naseleniya g. Voronezha v period pervoi revizii* [To the question of the composition of the population of the city of Voronezh during the first revision]. *Trudy Voronezhskogo universiteta. T. 87. Iz istorii Voronezhskogo kraja.* (3). (in Russian)

Поступила в редакцию 12.05.2022

Подписана в печать 27.06.2022

Original article

UDC 94 (47)

DOI 10.47438/2309-7078_2022_2_121

EVOLUTION OF SOCIAL POPULATION STRUCTURE IN VORONEZH AND VORONEZH UYEZD DURING THE EPOCH OF PETER I'S REFORMS

Vladimir N. Glaziev¹Voronezh State University¹
Voronezh, Russia¹*Dr. Histor. Sci., Professor, Dean of the Faculty of History,
ORCID ID: 0000-0003-4615-0699, tel.: (473) 221-27-47, e-mail: vng@main.vsu.ru*

Abstract. The article deals with the social population structure in Voronezh and Voronezh uyezd as a typical administrative unit of Central Black Soil Region at the end of XVII – the first quarter of XVIII centuries. It elicits some characteristics of population composition, specifies the number of main estate groups, traces the evolution of the social population structure in Voronezh and Voronezh uyezd during the period of Peter I's reforms. The conclusion about a gradual development of the odnodvortsy estate group on the basis of different categories of service-men was drawn.

Key words: Voronezh uyezd, end of XVII – the first quarter of XVIII centuries, Peter I, population structure, service-men, odnodvortsy.

Cite as: Glaziev, V.N. (2022) Evolution of social population structure in Voronezh and Voronezh uyezd during the epoch of Peter I's reforms. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University.* (2), 121–125. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.47438/2309-7078_2022_2_121

Received 12.05.2022

Accepted 27.06.2022